

Война. И ничего в защиту...

Летом 41-го Рита перешла в 9 класс. Жизнь девочки, в общем-то, текла вполне обычно – юные 16 лет, дружный класс, любящие и заботливые родители...

И именно отец тогда – в летний воскресный день, когда прозвучало по радио сообщение о начале войны между Советским Союзом и фашистской Германией – сказал: «Все, дочь. Вот увидишь – жизнь теперь будет совсем другая».

Вот так началась война для пермячки Маргариты Александровны Ганиной, которая теперь носит почетное звание «труженик тыла» и уважительно именуется «ветераном войны».

«Война не стала для меня тогда полной неожиданностью. Дело шло к этому, и мы все ждали, что вот-вот – и начнется...»

Предчувствие войны висело в воздухе. Когда Рита вновь села за парту, ее девятый класс 17-й школы было не узнать. Многие одноклассники Риты еще после 7-го ушли в техникумы – с восьмого класса в школе ввели плату за обучение. В классе осталось всего несколько человек из старого состава; остальные были эвакуированными из Москвы и Ленинграда. Соответственно, обстановка в новом коллективе была достаточно унылая: новеньким хотелось вернуться на родину, Пермь была для них своего рода пленом, а сроки разлуки с родными местами точно определить не мог тогда никто...

В семью девочки война пришла даже раньше, чем в большинство других семей: ее старший – и единственный – брат ушел на флот еще в 38-м и находился на службе государства восемь лет.

«Мы с подружкой, которая осталась у меня еще со школы, нечасто возвращаемся к тем годам, редко вспоминаем быт – напряжение было колоссальное. Все люди тогда пережили примерно одно и то же – прежде всего, это общее желание помочь чем бы то ни было тем, кто там, на фронте, сделать для них что-то полезное.»

Именно поэтому еще в августе 41-го Маргарита вступила в органи-

зованный райкомом комсомола строительный отряд, который усиленно добровольцев прокладывал железнодорожную ветку к военному заводу в районе Бахаревки.

Весь сорок второй год также прошел для школьников под знаком труда: девушки дежурили в госпиталях, разгружали раненых, помогали ухаживать за больными в интернате для детей блокадников, работали на тетрадной фабрике... и все это – в свободное от учебы время. Никто не ленился – возможно, было просто некогда делать это, ведь все были страшно заняты – долг перед Родиной вдохновлял каждого на личные подвиги. Но этого казалось мало.

«Не было ли соблазна в такие тяжелые для страны годы окантоваться поближе к фронту, там, где люди и их помощь нужнее?.. а как же без этого! Будучи еще школьницей, я узнала о том, что наша комсомольская организация занимается отбором желающих попасть в самое пекло.»

Туда-то и пошла первым делом Рита с подружкой. Полные энтузиазма и деятельной энергии первокурсницы, однако же, на фронт не попали – с ними довольно убедительно поговорили в комсомоле, сказав, что учиться тоже важно, а может

быть – и гораздо важнее для них и для Родины, которая должна выстоять, подняться после войны.

Сказано – сделано! После девятого класса, перескочив выпускной десятый и успешно сдав экзамены, Рита Лаптева поступила в Пермский (тогда Молотовский) государственный университет. Логика выпускников военного времени была очевидна – стране нужны квалифицированные кадры, а потому все, кто в состоянии учиться, должны учиться! Лозунги такого рода не висели на площадях больших городов – каждый сознательный гражданин действительно знал их наизусть и прекрасно сознавал правоту этого высказывания.

Первокурсников на фронт идти не агитировали, хотя девушек – но только после третьего курса – брали как телефонисток, переводчиков, и для обучения азам этих профессий проходили даже специальные курсы. Университет и вправду помогал воюющим чем мог – в 41-м состоялся экстренный выпуск специалистов, которые, закончив обучение вместо положенных пяти лет за три с половиной года, отправились на передовую – использовать свои знания на благо страны. Когда ПГУ должен был оказать шефскую помощь заводу Дзержинского, первокурсники были в первых рядах. Девушки писали на фронт письма, посылали теплые вязаные вещи и подарки бойцам... и с нетерпением вслушивались в повести с мест боевых действий, которые звучали по радио каждые несколько часов, жили в ожидании: когда все это кончится, когда будет поставлена долгожданная точка в этой войне?..

«Всем было тяжело, проблемы рождались из воздуха. Вот например, в девятом классе я заболела – и некому было лечить, все медицинские силы были брошены на помощь бойцам. Но мы уже пообжились к этим трудностям, как-то не особенно думали о них, не запомнили... вот то, что нагрузка у нас, студентов, была едва ли не больше все остальных, я помню. И тарелку супа с 200 граммами

хлеба дополнительно на заводе, – тоже...над нами была война, которая губила жизни и давила на плечи всем нам. И нечего сказать ей в защиту!»

Пермский университет навсегда вошел в жизнь Риты. Именно с ним связан в ее памяти день Великой Победы над фашистской Германией: студентки-одноручницы уже понимали, что война заканчивается. 9 мая третьекурсница Рита с подругами отмечали великий день, как могли, в аудитории 2 корпуса (кажется, 514), а всеобщее ликование – правда, действительно «со слезами на глазах» – вылилось на улицы города.

«В тот день один из преподавателей произнес для нас, студентов, очень памятную речь, в которой сказал, что теперь надо еще более прилежно учиться и отдавать все силы ослабленной стране, чтобы она вскоре вновь превратилась в могучую державу... говорят, тогда был большой праздник возле дворца Свердлова, – но уж больно далеко от меня! Впрочем, радости хватало на каждой улице. В том числе и на моей!..»

...Сейчас Маргарита Александровна Ганина в память о тех днях имеет медаль «За самоотверженный труд в годы войны», медаль в честь пятидесятилетия победы и «Ветеран труда». Бережно хранит – наравне с воспоминаниями. А 9 мая стал с 45-го года и ее праздником – ведь в море труда, вложенного в достижение триумфального завершения войны, есть и ее капля.

Держу в руках фотографию тех лет – один (!) молодой человек и десяток круглолицых девушек чуть улыбаются мне с черно-белого фотоснимка. Все они в легких платьицах, с немного задумчивыми лицами – ... как будто и не было той

Студенты 41-го года

Мы – земля, мы – трава,
мы – глаза незабудок и льна,
В чистом поле березы над нами,
как сестры, нагнулись...
На суровую практику нас посылала война,
Мы с войны до сих пор не вернулись.
Мы – в дождях, мы – в слезах
материнских заплаканных глаз,
Мы – простой обелиск,
что над братской могилой замер.
Но мы просим:
считайте поныне студентами нас,
Мы сдавали России
последний нелегкий экзамен!
Пусть останется в памяти каждый
и весел, и юн,
Как в то время, когда
из студенческих песен и сессий
Вывал нас навсегда этот год 41-й,
июнь,
И поставил пред выбором новых,
военных профессий.
Ваша юность – другая.
И в песнях другие слова.
И меж нами иные не видят
ни капельки сходства.
Но мы в жизнь вашу входим
по честному праву родства.
Или, если хотите,
по строгим правам первородства.
Ах, какие дожди над осенней Россией
опять!

Тихо падают капли
с ветвей наклоненной березы.
Словно плачет над нами Россия,
как старая мать, –
Сколько лет все не выплачет
те материнские слезы...

Владимир РАДКЕВИЧ

войны, как будто не работали они по 16 часов в сутки – просто нет в их лицах гордости и пафоса перед правнуками, а есть тихое счастье...
А та, что запечатлелась на фотографии двадцатилетней Ритой Лаптевой – ныне Маргарита Александровна Ганина – сидит напротив и улыбается мне: «Надо просто удивляться, что мы не только жили, а еще что-то сумели сделать!..»

**Алена УСАЧЕВА,
филфак, 2 курс**